Украина
Киев
Драм. театр им. Леси Украинки

4-10.6.98

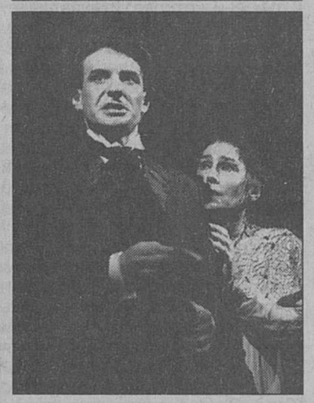

Фото И. СОМОВОЙ

Сцены из спектаклей: "Школа скандала", "Тойбеле и ее демон", "С вами опасно иметь дело", "История одной страсти"

Люди и манекены

Культура. – 1998. – 4-10 июня. – С. 4

Как живет Академический театр русской драмы им. Леси Украинки

Киев по-прежнему прекрасен – весь в зелени и цветении. Но чувствуешь здесь себя двойственно: и дома, и за границей. За границей, потому что другие деньги, много украинской речи – и на улице, и по радио, и по телевидению. Потому что воспринимаешь город как туристический объект, причем в это понятие входят не только архитектура и памятники, но и неведомые нам праздники, когда, например, киевляне дружно отправляются в Ботанический сад – смотреть, как цветет знаменитая коллекция сирени.

Вместе с тем ты здесь – не на чужбине: никаких языковых барьеров, исключительная приветливость людей, русскоязычные пресса и передачи, а также театры и спектакли. Причем Академический театр русской драмы имени Леси Украинки существует в ранге Национального.

Он всегда был знаменит актерами прежде всего и достаточно щедро делился своим богатством с российской сценой. Достаточно назвать такие имена, как Любовь Добржанская, Олег Борисов, Павел Луспекаев, Кирилл Лавров... Сегодня театр в состоянии содержать огромную труппу (около 100 человек), платить ей вполне приличную зарплату (чуть больше миллиона в пересчете на неденоминированные рубли получает ведущий актер) и позволять себе дорогие костюмы и декорации. С режиссурой сложнее, как и везде. В советские времена партийное руководство разделяло и властвовало, сменяя на посту главного множество режиссеров.

Должно быть, наиболее протяженным по времени (и значимости) оказалось воздействие режиссуры Михаила Резниковича. Его то снимали, то вновь назначали, он приезжал и уезжал, работал то очередным, то главным. Ныне худрук, он продолжает то, что начал еще в 1963 году в соответствии с пройденной у Товстоногова профессиональной школой и с собственной натурой – интеллигента-шестидесятника, то есть человека порядочного, социально активного, классически образованного, склонного к просветительству. Недавно ему стукнуло 60, и можно сказать, что нынешний этап его творческой судьбы благополучен: около сотни спектаклей в багаже, академик, профессор, писатель, народный артист, лауреат, в театре – хозяин. Это не означает, впрочем, что ему легко. Дело не в том, что надо находить деньги (это неожиданным образом ему удается), дело в том, какой держать сегодня театр вообще и какова модель русского театра на Украине.

Понять принципы функционирования этой модели помог мне, как ни странно, один удивительный киевский музей – квартира Булгакова на Андреевском спуске, где на этих принципах основана экспозиция (не случайно ее автор – Кира Питоева – человек театральный).

В жаркий летний день вы попадаете в зиму тревог Турбиных: морозные стекла, белое снежное освещение. Реальные вещи булгаковской семьи сосуществуют с белым воображаемым миром Турбиных: в белое выкрашены мебель, одежда, цветы, посуда, книги, часы – все, что из "Белой гвардии". И есть некое зеркало (зеркало жизни, зеркало сцены, зеркало души...), всмотревшись в которое, вы в какой-то момент (фокус экспозиции!) перестаете видеть собственное отражение: взору открывается потайная комната-спальня – то ли самого Михаила Афанасьевича, то ли Алексея Турбина...

Белого в музее явно больше, чем цветного, то есть воображаемого больше, чем реального.

Парадоксальным образом (парадоксальным, ибо Резникович – ученик Товстоногова, апологета реалистической объективности искусства) в Театре им. Леси Украинки тема столкновения воображения и реальности представляется основной. Более того, фантазия торжествует, игра оказывается выше жизни.

Так, в программном спектакле Резниковича "Тойбеле и ее демон" (пьеса И.Зингера и И.Фридман) величие и трагедия главной героини (Татьяна Назарова) как раз и состоят в бунте против обыденности, против всяческих людских канонов, социальных или даже религиозных.

Это спектакль о том, что Искусство выше Жизни, что человеку требуется больше, чем дает ему проза жизни. Однако Резникович не был бы шестидесятником, если бы не привнес в этот конфликт искусства и жизни социальную окраску. Булгаковская кабала святош присутствует в спектакле как некая страшная сила, препятствующая творчеству и свободному выбору. Думаю, что и собственный жизненный опыт режиссера сыграл не последнюю роль в явлении группы лиц, называемых "служки", – молчаливых соглядатаев, число которых от сцены к сцене увеличивается. Как у Хичкока в "Птицах", они в черно-белой своей униформе молча слетаются вместе, чтобы внезапно напасть и заклевать до смерти. И не Ребе им начальник (Борис Вознюк в этой роли суров, но способен на проявление человечности), а кто-то неизвестный и, безусловно, зловещий.

В "Школе скандала" ("Школа злословия" Шеридана) общество, от которого никак невозможно освободиться, предстает преимущественно в обличье манекенов. Тут очень много прекрасно выполненных кукол в человеческий рост, порой не отличимых от людей. Постановщику Михаилу Резниковичу и сценографу (Мария Левитская сделала роскошное и стильное оформление и костюмы) при помощи этих фигур удалось, во-первых, зримо воспроизвести тот век галантности и просвещения, в котором игра взрослых в куклы (подчас они представляли собой чудо механики) была свойством и маньеризма, и научной пытливости, и всякого рода мистификаций. А, во-вторых, куклы, с которыми играют, – и есть история, рассказанная в спектакле: манекены, подставные лица определяют поведение людей, которые становятся марионетками на ярмарке тщеславия.

В "Школе скандала" точнее всего, как мне кажется, проявилась склонность актеров Театра им. Леси Украинки к чистой игре, не слишком отягощенной психологическими тонкостями и подробной разработкой характера.

Они явно тяготеют к масочности, карнавалу, эксцентриаде. Особенно старшее поколение: Анатолий Пазенко в роли простодушного и жовиального сэра Оливера Сэрфэса, Анатолий Решетников в роли доброго малого Раули. И, конечно, Давид Бабаев. Его Питер Тизл, застенчиво язвительный, нежный и совершенно беззащитный, с леди Тизл под масочкой невезучего одессита, в салонах и в общении с другими полностью преображается: здесь он знает все пружины действия и поведения и легко управляется со своими куклами.

Линия леди Тизл (Татьяна Назарова) развивается, употребляя терминологию современного театра кукол, от кукольного к живому плану, от стремления ребенка, деревенской простушки профессионально постичь игру светских и взрослых и участвовать в ней на равных – к отказу от маски и роли марионетки.

По-иному партнерствуют Игра и Жизнь, реальность и воображение в арбузовской "Старомодной комедии" ("С вами опасно иметь дело"), поставленной ученицей Резниковича Ириной Барковской.

В отличие от первоисточника, где сталкиваются "стихи и проза, лед и пламень" и тяготение происходит между противоположными полюсами, в варианте Театра им. Леси Украинки два корифея труппы – Валерия Заклунная и Юрий Мажуга – разыгрывают совсем другую историю

Два любимца публики – актриса на "правильные" роли, социальная героиня, и актер-эксцентрик – изначально помещены "не в свою тарелку": она – в характер в высшей степени экстравагантный, funny girl своего рода, он, напротив, – в серенькую курочку и кепарик провинциального, почти сельского comme il faut. И, закрутив актерское естество обоих против часовой стрелки, режиссер вслед за тем отпускает исполнителей на волю, и те стремительно пускаются навстречу утерянному привычному имиджу. Их движение – обретение своего истинного "я" и вместе с тем – по направлению друг к другу с тем, чтобы где-то на полпути сблизиться в общей игре, едином жанре. И жанр этот – клоунада.

И в этом спектакле чистая, эксцентричная игра самодостаточна и с правдой жизни практически не смешивается.

...На обсуждении спектакля "Игры на заднем дворе", который в театре играют для подростков всегда при переполненном зале, одна девочка спросила: "Как считают актеры, наша жизнь – игра?" Вопрос по существу, и его могли бы задать и зрители других спектаклей. Что касается этого, последнего, то он поставлен израильским режиссером Одедом Котлером по пьесе своей весьма известной соотечественницы Эдны Мазии, сыгран молодежью труппы и произвел на меня достаточно сильное впечатление.

Используя модель дознания и одновременно деловых игр, пьеса, основанная на реальных событиях, реконструирует историю одного группового изнасилования. Одни и те же актеры играют то участников преступления, то их судей (адвокатов-мужчин и женщину-прокурора), и смысл происходящего не столько в конфронтации разных точек зрения на событие (как в "Расемоне") или в утверждении относительности всякой истины, сколько в поисках той границы, за которой пусть жестокие, опасные, но игры становятся фактом реальной биографии и судьбы.

Ирина МЯГКОВА